

**Салтыков-Щедрин Михаил
Евграфович**

**Полное собрание сочинений
М.Е. Салтыкова (Н.
Щедрина)**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
М69

М69 **Михаил Евграфович С.**
Полное собрание сочинений М.Е. Салтыкова (Н. Щедрина) / Салтыков-Щедрин Михаил Евграфович – М.: Книга по Требованию, 2026. – 577 с.

ISBN 978-5-519-84526-7

Сказки 1880-1885; Пестрые письма 1884-1886; Недоконченные беседы 1873-1884

ISBN 978-5-519-84526-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СОДЕРЖАНІЕ.

Сказки.

	СТР.
1. Премудрый пискарь . .	1
2.—Самоотверженный заяцъ .	6
3.—Вѣднѣй волкъ .	12
4.—Карась-идеалистъ . .	18
5.—Добродѣтели и Пороки	29
6.—Обманщикъ-газетчикъ и легковѣрный читатель .	36
7.—Игрушечнаго дѣла людшки	39
8.—Чижиково горе .	71
9.—Вѣрный Трезоръ	87
10.—Недреманное око	94
11.—Дуракъ .	99
12.—Сосѣди	109
13.—Здравомысленный заяцъ.	116
14.—Либераль	124
15.—Варанъ-Непомнящій	130
16.—Коплѣга . .	135
17.—Кисель . .	141
18.—Празднѣй разговоръ .	142
19.—Деревенскій пожаръ .	148
20.—Путемъ-дорогою .	156
21.—Гіена	160
22.—Приключеніе съ Крамольниковымъ	164
23.—Христова ночь . . .	174
24.—Рождественская сказка .	179
25.—Воронъ-челобитчикъ	189
26.—Повѣсть о томъ, какъ одинъ мужикъ двухъ генераловъ прокорютилъ.	199
27.—Пропала совѣсть	206
28.—Дикій помѣщикъ	218

Пестрые письма.

	СТР.
ПИСЬМО I. .	229
" II.	237
" III.	251
" IV.	275
" V.	309
" VI.	336
" VII.	358
" VIII.	377
" IX.	399

Недоконченные бесѣды.

ГЛАВА I.	417
" II. .	430
" III.	441
" IV.	456
" V.	485
" VI.	504
" VII.	517
" VIII.	528
" IX. .	544
" X.	563—568

I.

С К А З К И

[1880—1885 гг.]

1.—Премудрый пискарь.

Жилъ былъ пискарь. И отецъ, и мать у него были умные; по-маленьку да полегоньку аридовы вѣки въ рѣкѣ прожили, и ни въ уху, ни къ щукѣ въ хайлò не попали. И сыну тоже заказали. „Смотри, сынокъ,—говорилъ старый пискарь, умирая:—коли хочешь жизнью жуировать, такъ гляди въ оба!“

А у молодого пискаря ума палата была. Началъ онъ этимъ умомъ раскидывать и видить: куда ни обернется—вездѣ ему мать. Кругомъ, въ водѣ, все большія рыбы плаваютъ, а онъ всѣхъ меньше; всякая рыба его заглотать можетъ, а онъ никого заглотать не можетъ. Да и не понимаетъ: зачѣмъ глотать? Ракъ можетъ его клешней пополамъ перерѣзать, водяная блоха—въ хребетъ впитаться и до смерти замучить. Даже свой братъ пискарь—и тотъ какъ увидить, что онъ комара изловилъ, цѣлымъ стадомъ такъ и бросится отнимать. Отнять и начать другъ съ дружкой драться, только комара задаромъ растреплуть.

А человѣкъ?—что это за ехидное созданіе такое! какихъ каверзъ онъ ни выдумалъ, чтобъ его, пискаря, напрасною смертью погубить! И невода, и сѣти, и верши, и норотѣ, и наконецъ... уду! Кажется, что можетъ быть глуше уды?—Нитка, на ниткѣ крючокъ, на крючкѣ—червякъ или муха надѣты... Да и надѣты-то какъ?.. въ самомъ, можно сказать, неестественномъ положеніи! А между тѣмъ именно на уду всего больше пискарь и ловится!

Отецъ-старикъ не разъ его насчетъ уды предостерегалъ, „Пуще всего берегись уды!—говорилъ онъ:—потому что хоть и глупѣйшій это снарядъ, да вѣдь съ нами, пискарями, что глуше, то вѣрнѣе.

Бросятъ намъ муху, словно насъ же приголубить хотятъ; ты въ нее вѣдѣнъ — а нѣ въ мухѣ-то смерть!“

Разсказаль также старикъ, какъ однажды онъ чуть-чуть въ уху не угодилъ. Ловили ихъ въ ту пору цѣлою артелью, во всю ширину рѣки неводъ растянули, да такъ версты съ двѣ по дну волокомъ и волокли. Страсть, сколько тогда рыбы попало! И щуки, и окуни, и головли, и плства, и гольцы, — даже лещей-лежебоковъ изъ тины со дна поднимали! А пискарямъ такъ и счетъ потеряли. И какихъ страховъ онъ, старый пискарь, натерѣлся, покуда его по рѣкѣ волокли — это ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ описать. Чувствуетъ, что его везутъ, а куда — не знаетъ. Видитъ, что у него съ одного боку — щука, съ другого — окунь; думаетъ: вотъ-вотъ, сейчасъ, или та, или другой его съѣдятъ, а они — не трогаютъ... „Въ ту пору не до ѣды, братъ, было!“ У всѣхъ одно на умѣ: смерть пришла! а какъ и почему она пришла — никто не понимаетъ. Наконецъ стали крылья у невода сводить, выволокли его на берегъ и начали рыбу изъ мотни въ траву валить. Тутъ-то онъ и узналъ, чтѣ такое уха. Трепещется на пескѣ что-то красное; сѣрая облака отъ него вверхъ бѣгутъ: а жарко таково, что онъ сразу разомлѣлъ. И безъ того, безъ воды тошно, а тутъ еще поддають... Слышитъ — „костеръ“, говорятъ. А на „кострѣ“ на этомъ черное что-то положено, и въ немъ вода, точно въ озерѣ, во время бури, ходуномъ ходитъ. Это „котель“, говорятъ. А подъ-конецъ стали говорить: вали въ „котель“ рыбу — будетъ „уха“! И начали туда нашего брата валить. Шваркнетъ рыбакъ рыбину — та сначала окунется, потомъ, какъ полоумная, выскочитъ, потомъ опять окунется — и присмирѣетъ. „Ухи“, значить, отвѣдала. Валили-валили сначала безъ разбора, а потомъ одинъ старичокъ глянулъ на него и говоритъ: „Какой отъ него, отъ малыша, прокъ для ухи! пуцай въ рѣкѣ поростетъ!“ Взялъ его подъ жабры, да и пустилъ въ вольную воду. А онъ, не будь глушъ, во всѣ лопатки — домой! Прибѣжалъ, а пискариха его изъ норы ни жива, ни мертва выглядываетъ...

И что же! сколько ни толковалъ старикъ въ ту пору, чтѣ такое уха и въ чемъ она заключается, однако и по-днесъ въ рѣкѣ рѣдко кто здравыя понятія объ ухѣ имѣетъ!

Но онъ, пискарь-сынъ, отлично запомнилъ поученія пискаря-отца, да и на усъ себѣ намоталъ. „Надо глядѣть въ оба, — сказалъ

онъ себѣ: а не то какъ разъ пропадешь!“—и сталъ жить да поживать. Первымъ дѣломъ нору для себя такую придумалъ, чтобъ ему забраться въ нее было можно, а никому другому—не влѣзть! Долбилъ онъ носомъ эту нору цѣлый годъ, и сколько страху въ это время принялъ, ночуя то въ илѣ, то подъ водянымъ лопухомъ, то въ осокѣ. Наконецъ однако выдолбилъ на славу. Чисто, аккуратно—именно только одному помѣститься впору. Вторымъ дѣломъ насчетъ житья своего рѣшилъ такъ: ночью, когда люди, звѣри, птицы и рыбы спятъ—онъ будетъ моціонъ дѣлать, а днемъ—станетъ въ норѣ сидѣть и дрожать. Но такъ какъ пить-ѣсть все-таки нужно, а жалованье онъ не получаетъ и прислуги не держитъ, то будетъ онъ выбѣгать изъ норы около полднѣ, когда вся рыба ужъ сыта, и Богъ дастъ, можетъ быть, козявку-другую и промыслить. А ежели не промыслить, такъ и голодный въ норѣ заляжетъ, и будетъ опять дрожать. Ибо лучше не ѣсть, не пить, нежели съ сытымъ желудкомъ жизни лишиться.

Такъ онъ и поступалъ. Ночью моціонъ дѣлалъ, въ лунномъ свѣтѣ купался, а днемъ забирался въ нору и дрожалъ. Только въ полдни выбѣжить кой-чего похватать—да чтò въ полдень промыслишь! Въ это время и комаръ подъ листь отъ жары прячется, и букашка подъ кору хоронится. Поглощаетъ воды—и шабанъ!

Лежитъ онъ день-деньской въ норѣ, ночей не досыпаетъ, куска не доѣдаетъ, и все-то думаетъ: „кажется, что я живъ? ахъ, что-то завтра будетъ?“

Задремлетъ, грѣшнымъ дѣломъ, а во снѣ ему снится, что у него выигрышный билетъ, и онъ на него двѣсти тысячъ выигралъ. Не помня себя отъ восторга, перевернется на другой бокъ—глядь, анъ у него цѣлыхъ полрыла изъ норы высунулось... Чтò еслибъ въ это время шуренокъ по близости былъ! вѣдь онъ бы его изъ норы-то вытащилъ!

Однажды проснулся онъ и видитъ: прямо противъ его норы стоитъ ракъ. Стоитъ неподвижно, словно околдованный, вытаращивъ на него костяные глаза. Только усы по теченію воды пошевеливаются. Вотъ когда онъ страху набрался! И цѣлыхъ полдня, покуда совсѣмъ не стемнѣло, этотъ ракъ его поджидалъ, а онъ тѣмъ временемъ все дрожалъ, все дрожалъ.

Въ другой разъ, только-что успѣлъ онъ передъ зорькой въ нору

воротить, только-что сладко зѣвнулъ, въ предвкушеніи сна—глядитъ, откуда ни возьмись, у самой норы щука стоитъ и зубами хлопаетъ. И тоже цѣлый день его стерегла, словно видомъ его однимъ сыта была. А онъ и щуку надулъ: не вышелъ изъ норы, да и шабашъ.

И не разъ, и не два это съ нимъ случалось, а почесть что каждый день. И каждый день онъ, дрожа, побѣды и одолѣнія одерживалъ, каждый день восклицалъ: „слава тебѣ, Господи! живъ!“

Но этого мало: онъ не женился и дѣтей не имѣлъ, хотя у отца его была большая семья. Онъ разсуждалъ такъ: „Отцу пути можно было прожить! Въ то время и щуки были добрѣе, и окуни на насъ, мелюзгу, не зѣрились. А хотя однажды онъ и попалъ-было въ уху, такъ и тутъ нашелся старичокъ, который его вызволил! А нынче, какъ рыба-то въ рѣкахъ повывелась, и пискари въ честь попали. Такъ ужъ тутъ не до семьи, а какъ бы только самому прожить!“

И прожилъ премудрый пискарь такимъ родомъ слишкомъ столѣтъ. Все дрожалъ, все дрожалъ. Ни друзей у него, ни родныхъ; ни онъ къ кому, ни къ нему кто. Въ карты не играетъ, вина не пьетъ, табаку не куритъ, за красными дѣвушками не гоняется—только дрожить да одну думу думаетъ: „слава Богу! кажется, живъ!“

Даже щуки, подъ-конецъ, и тѣ стали его хвалить: „вотъ кабы всѣ такъ жили—то-то бы въ рѣкѣ тихо было!“ Да только онъ это нарочно говорили; думали, что онъ на похвалу-то отрекомендуется—вотъ-моль я! тутъ его и хлопъ! Но онъ и на эту штуку не поддавался, а еще разъ своею мудростью козни враговъ побѣдилъ.

Сколько прошло годовъ послѣ ста лѣтъ—непзвѣстно, только сталъ премудрый пискарь помирать. Лежитъ въ норѣ и думаетъ: „слава Богу, я своею смертью помираю, такъ же, какъ умерли мать и отецъ“. И вспомнились ему тутъ щучьи слова: „вотъ кабы всѣ такъ жили, какъ этотъ премудрый пискарь живетъ“... А нутка, въ самомъ дѣлѣ, чтъ бы тогда было?

Сталъ онъ раскидывать умомъ, котораго у него была палата, и вдругъ ему словно кто шепнулъ: „вѣдь этакъ, пожалуй, весь пискарскій родъ давно перевелся бы!“

Потому что для продолженія пискарятаго рода прежде всего нужна семья, а у него ея нѣтъ. Но этого мало: для того, чтобъ пискарья семья укрѣплялась и процвѣтала, чтобъ члены ея были здо-

ровы и бодры, нужно, чтобъ они воспитывались въ родной стихіи, а не въ норѣ, гдѣ онъ почти ослѣпъ отъ вѣчныхъ сумерекъ. Необходимо, чтобъ пискари достаточное питаніе получали, чтобъ не чуждались обществѣ, другъ съ другомъ хлѣбъ-соль бы водили и другъ отъ друга добродѣтелями и другими отличными качествами заимствовались. Ибо только такая жизнь можетъ совершенствоваться пискарью породу и не дозволить ей измельчать и выродиться въ снѣтка.

Неправильно полагають тѣ, кои думаютъ, что лишь тѣ пискари могутъ считаться достойными гражданами, кои, обезумѣвъ отъ страха, сидятъ въ норахъ и дрожать. Нѣтъ, это не граждане, а по меньшей мѣрѣ бесполезные пискари. Никому изъ нихъ ни тепло, ни холодно, никому ни чести, ни безчестія, ни славы, ни безславія... жить, даромъ мѣсто занимають, да кормъ ѣдятъ.

Все это представилось до того отчетливо и ясно, что вдругъ ему страстная охота пришла: „вылѣзу-ка я изъ норы да гоголемъ по всей рѣкѣ проплыву!“ Но едва онъ подумалъ объ этомъ, какъ опять испугался. И началъ, дрожа, помирать. Жилъ — дрожалъ, и умиралъ — дрожалъ.

Вся жизнь мгновенно передъ нимъ пронеслась. Какія были у него радости? кого онъ утѣшилъ? кому добрый совѣтъ подаль? кому доброе слово сказалъ? кого пріютилъ, обогрѣлъ, защитилъ? кто слышалъ объ немъ? кто объ его существованіи вспомнитъ?

И на всѣ эти вопросы ему пришлось отвѣчать: никому, никто.

Онъ жилъ и дрожалъ — только и всего. Даже вотъ теперь: смерть у него на носу, а онъ все дрожитъ, самъ не знаетъ, изъ-за чего. Въ норѣ у него темно, тѣсно, повернуться негдѣ; ни солнечный лучъ туда не заглянетъ, ни тепло не пахнетъ. И онъ лежитъ въ этой сырой мглѣ, незрячій, изможденный, никому ненужный, лежитъ и ждетъ: когда же, наконецъ, голодная смерть окончательно освободитъ его отъ бесполезнаго существованія!

Слышно ему, какъ мимо его норы шмыгаютъ другія рыбы — можетъ быть, какъ и онъ, пискари — и ни одна не поинтересуется имъ. Ни одной на мысль не придетъ: дай-ка, сироту я у премудраго пискаря, какимъ онъ манеромъ умудрился слишкомъ сто лѣтъ прожить, и ни щука его не заглотала, ни ракъ клешней не перешибъ, ни рыболовъ на уду не поймалъ? Плывутъ себѣ мимо, а можетъ быть и не

знають, что вотъ въ этой норѣ премудрый пискарь свой жизненный процессъ завершаетъ!

И чтò всего обиднѣе: не слышать даже, чтобъ кто-нибудь премудрымъ его называлъ. Просто говорятъ: „слыхали вы про остолопа, который не ѣсть, не пьеть, никого не видитъ, ни съ кѣмъ хлѣбасоли не водить, а все только распостылую свою жизнь бережетъ?“ А многіе даже просто дуракомъ и срамцомъ его называютъ и удивляются, какъ такихъ идоловъ вода терпитъ.

Раскидывалъ онъ такимъ образомъ своимъ умомъ и дремалъ. То-есть, не то что дремалъ, а забываться ужъ сталъ. Раздались въ его ушахъ предсмертные шопоты, разлилась по всему тѣлу истома. И привидѣлся ему тутъ прежній соблазнительный сонъ. Выигралъ будто бы онъ двѣсти тысячъ, выросъ на цѣлыхъ полъ-аршина и самъ щукъ глотаетъ.

А покуда ему это снилось, рыло его, помаленьку да полегоньку, цѣликомъ изъ норы и высунулось.

И вдругъ онъ исчезъ. Чтò тутъ случилось—щука ли его заглотала, ракъ ли клешней перешибъ, или самъ онъ своею смертью умеръ и всплылъ на поверхность—свидѣтелей этому дѣлу не было. Скорѣе всего,—самъ умеръ, потому что какая сласть щукѣ глотать хвораго, умирающаго пискаря, да къ тому же еще и *премудраго*?

2.—Самоотверженный заяцъ.

Однажды заяцъ передъ волкомъ провинился. Бѣжалъ онъ, видите ли, неподалеку отъ волчьяго лѣгова, а волкъ увидѣлъ его и кричитъ: „зайчика! остановись, миленькій!“ А заяцъ не только не остановился, а еще пуще ходу прибавилъ. Вотъ волкъ въ три прыжка его поймалъ, да и говоритъ: „За то, что ты съ перваго моего слова не остановился — вотъ тебѣ мое рѣшеніе: приговариваю я тебя къ лишенію живота посредствомъ растерзанія. А такъ какъ теперь и я сытъ, и волчиха моя сыта, и запасу у насъ еще дней на пять хватитъ, то сиди ты вотъ подъ этимъ кустомъ и жди очереди. А можетъ быть... ха-ха... я тебя и помилую!“

Сидитъ заяцъ на заднихъ лапкахъ подъ кустомъ и не шевельнется.